Текст · 2 декабря 2019, 10:27
Виктория Непогодина,

«Начинала плакать, чем эмоционально воздействовала на коллегию». Домашнее насилие и суд присяжных на примере одного дела в Перми

Институт присяжных в России переживает второе рождение — с лета 2018-го коллегии из шести человек появились в районных судах. Существенно расширился и список подсудных им преступлений. Громких процессов с участием присяжных пока немного, но они уже начинают менять судебный ландшафт страны — после серии оправдательных вердиктов глава Мосгорсуда Ольга Егорова констатировала, что «следователи, увы, разучились собирать и анализировать доказательства». «Медиазона» разбирается, почему присяжные оправдали жительницу Перми, которая не отрицала, что зарезала своего мужа, что такое нуллификация и как формулировка вопросов, поставленных судьей перед коллегией, может предопределить вердикт.

Пермяк Александр Меньшиков скончался от ножевого ранения 31 марта 2018 года. Как рассказывала его гражданская жена Елена Барабанщикова, Александр был пьян и уже не в первый раз набросился на нее — Елена схватила нож, на который он и наткнулся во время завязавшейся потасовки. Елена выбежала на лестничную клетку, стала звать на помощь соседей и попросила их вызвать скорую помощь.

Когда врачи констатировали смерть Меньшикова, и в квартиру приехала следственная группа, Елена сказала, что произошел несчастный случай — муж сам налетел на нож. «Все так говорят в свое оправдание», — пересказывает Барабанщикова ответ силовиков. Женщину обвинили в убийстве (часть 1 статьи 105 УК) и отправили в СИЗО.

Дело рассматривал Кировский районный суд Перми. С 1 июня 2018 года вступили в силу изменения в Уголовнопроцессуальный кодекс, благодаря которым коллегии из шести заседателей появились и в районных судах, а о рассмотрении дела присяжными смогли просить в том числе и обвиняемые в убийстве без отягчающих обстоятельств.

Адвокат Рафаэль Нуруллин говорит, что он сознательно оттягивал начало суда над Еленой Барабанщиковой до вступления этих изменений в силу. Присяжные рассматривали дело весь сентябрь и признали Елену невиновной. Она связывает такое решение с тем, что на всех заседаниях была искренна и говорила правду о том, как погиб ее супруг.

Первое оправдание

Александр нередко выпивал и после этого вел себя неадекватно, рассказывает «Медиазоне» Елена Барабанщикова. Когда 31 марта она вернулась домой, он был пьян: «Я спросила, что произошло и зачем он снова начал пить. Саша мне рассказал, что виделся с детьми и бывшей женой, которая при встрече в очередной раз ему напомнила, что тот нигде не работает и почти не помогает своим ребятишкам деньгами. Как женщина я хорошо понимала позицию

бывшей супруги, ведь, действительно, ей нужно было на чтото содержать двоих детей».

Услышав упреки, вспоминает она, Александр начал кричать: «Да ты такая же, как и она! Все вы одинаковые!» — и в ярости на нее набросился. «Кулаками он меня до этого не бил, — рассказывает Елена, — но мог кинуть в меня чем-то, швырнуть об стену, [схватить] за волосы».

Она предполагает, что в тот день Александр бил и свою бывшую жену, но та в суде это не подтвердила. «Да и [раньше он] бывшую жену избивал, даже во время беременности. Она ночью уезжала и ночевала у подруг. И все это знают, в том числе и его мать, поэтому, когда на суде они говорили обратное, было больно», — признается Елена.

Когда в тот вечер супруг впервые набросился на нее с кулаками, она схватила кухонный нож: «Для защиты я взяла нож и начала им отмахиваться. Саша схватил меня сзади и начал силой загибать нож к моему животу. Я закричала и умоляла его остановиться. После этого он успокоился и отпустил меня, сказав, чтобы я собирала вещи и уходила из квартиры».

Елена говорит, что оделась и уже дошла до двери, но вернулась, когда вспомнила о забытом паспорте: «В этот момент он снова начал на меня набрасываться. Я схватила другой нож и опять начала защищаться. Саша повалил меня на пол, но я смогла вскочить, отойти к стенке, нож прижала к себе. В коридоре было темно. Все произошло быстро. Он налетел на меня и тишина... упал. Я поняла, что между нами был нож. После мне приходилось много раз думать,

как так получилось? У меня в коридоре стояла обувь, возможно, он об нее запнулся...».

В суде, говорит Барабанщикова, обвинение настаивало, что ее рассказ противоречит выводам судмедэксперта и что если бы она говорила правду, нож бы воткнулся на три сантиметра ниже. «Сначала я не поняла, как так может быть, — признается Елена. — Потом вспомнила, что раньше Саша занимался хоккеем, и походка у него была немного на полусогнутых ногах. В пьяном виде эта привычка у него только усиливалась. В подтверждение этому у меня были видео».

На видео она иногда записывала пьяного Александра, чтобы показать ему позже — по словам Елены, посмотрев одну из записей, муж на некоторое время перестал пить и даже записался в любительскую футбольную команду: «У меня всегда была надежда, что он перестанет пить. Я очень хотела его исправить, помочь ему выпутаться из такого образа жизни. Понимаете, когда он трезвый, он очень добрый и заботливый человек. Совершенно другой». Впрочем, продемонстрировать эти видеозаписи во время заседания судья не разрешил.

Адвокат Рафаэль Нуруллин говорит, что в суде было важно показать присяжным отсутствие у подсудимой умысла на убийство — об этом свидетельствовали и хорошие в целом отношения между Александром и Еленой, и попытки помочь раненому, и адресованные соседям просьбы вызвать скорую.

«Когда я слышала фразу "такого не может быть", то всегда отвечала: "Если это со мной произошло —

значит, может". В суде я старалась быть искренней, говорила только правду. Думаю, присяжные это увидели, поверили мне», — рассуждает Елена Барабанщикова.

После оправдательного вердикта ее выпустили из СИЗО, где она провела полгода и, по словам Елены, встретила немало женщин с похожими историями.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Отмена вердикта и новый приговор

Но уже в ноябре 2018 года Пермский краевой суд оправдательный приговор отменил, согласившись с мнением прокурора, утверждавшего, что подсудимая и ее защитник нарушали порядок судопроизводства и благодаря этому повлияли на решение присяжных. В частности, они доводили до присяжных сведения, «формировавшие предвзятое отношение к [погибшему Александру Меньшикову], а именно, что он конфликтен, злоупотребляет спиртным, о наличии на его теле татуировок, что свидетельствует об отбывании [Меньшиковым] наказания в виде лишения свободы».

«И наоборот, сторона защиты старалась довести до присяжных заседателей [сведения], характеризующие [Барабанщикову] с положительной стороны. При этом [Барабанщикова] в присутствии присяжных заседателей, вызывая к себе жалость,

неоднократно начинала плакать, чем эмоционально воздействовала на коллегию», — пересказаны доводы прокурора в решении краевого суда.

Арестовывать Елену на этот раз не стали — с нее взяли только подписку о невыезде. Дело направили на новое рассмотрение в Кировский районный суд Перми. Но и новая коллегия вынесла такой же вердикт — обвинение не смогло доказать, что Барабанщикова совершила убийство «на почве личной неприязни».

Прокуратура снова попыталась обжаловать это решение по формальным основаниям: в частности, утверждая, что судья «позволял стороне защиты доводить до присяжных сведения о нахождении пострадавшего в алкогольном опьянении и в целом о его пристрастии к алкоголю, а также об избиениях им оправданной».

«Оправданная в ходе заседания плакала, устраивала истерики, во время одной из которых каталась по полу, крича, что она никого не убивала. Кроме того, в присутствии присяжных заседателей плакала ее дочь. Обращаясь к присяжным с последним словом, оправданная протягивала к ним руки, призывая чувствовать людей сердцем, одновременно утверждая, что она их чувствует», — перечисляла поводы для отмены оправдания прокуратура.

Но на этот раз краевой суд счел доводы прокуратуры необоснованными и в марте 2019 года утвердил оправдательный приговор.

Дело Кристины Шидуковой

Но не всегда присяжные выносят оправдательные решение по подобным делам. 28-летнюю Кристину Шидукову из Геленджика обвинили в убийстве мужа. Шидукова рассказывала, что все несколько лет брака муж ее жестоко избивал, и когда он в очередной раз напился и стал ее бить, она, защищаясь, несколько раз ударила его ножом. Свидетели видели, что в тот день Кристина была в крови, побои зафиксировали судмедэксперты.

Как говорит ее адвокат Алексей Иванов, «государственный обвинитель фактически управлял судом, а сам суд оказал чудовищное давление на коллегию присяжных». Процесс почти сразу объявили закрытым, а затем, в отсутствие прессы и общественности, суд и обвинение не позволяли довести до присяжных позицию защиты.

В итоге в июле 2019 года присяжные признали девушку виновной, после чего суд приговорил ее к 8 годам лишения свободы.

Присяжные и их запреты

Обсуждая решение Пермского краевого суда, «Адвокатская газета» назвала его «революционным», поскольку оно выбивается из привычной практики отмены оправдательных вердиктов по надуманным основаниям. Адвокат Рафаэль Нуруллин говорит, что обычно по делам об убийстве, в котором обвиняется страдавшая от домашнего насилия женщина, суды назначают подсудимым по девять и больше лет лишения свободы.

Социолог Екатерина Ходжаева из Института проблем правоприменения тоже уверена, что в профессиональном суде Елена Барабанщикова едва ли могла бы рассчитывать на оправдание.

«Конечно, судья должен оценивать все доказательства как равные. Но все же на практике показания подсудимой будут значить меньше для судьи, чем всевозможные экспертизы, на которых строится позиция стороны обвинения. Так что, я так понимаю, суд присяжных был единственным шансом оправдать Елену», — говорит Ходжаева, которая сейчас при поддержке фонда «Хамовники» изучает работу судов присяжных в России, уделяя особенное внимание процессам в малых городах и сельской местности.

Она напоминает, что присяжные — это судьи факта, которые выносят свой вердикт на основании услышанного в суде. Они не имеют права изучать дело за пределами зала суда, хотя многим «хочется поехать и посмотреть, где и как это было» — такое запрещено; не рекомендуется присяжным изучать Уголовный кодекс — они оценивают только доказательства, а квалификация преступления остается за профессиональными юристами.

«В суде вы не можете обсуждать личность потерпевшего, подсудимого, — продолжает Ходжаева. — Например, на вас напал человек в агрессивном пьяном состоянии, он вообще там главный дебошир на деревне — об этом присяжные узнавать не должны. Нельзя озвучивать, какой он образ жизни ведет, хороший он вообще или плохой. Потому что это характеризующие личность детали, и они могут повлиять на решение присяжных. Можно говорить

только о том, что он нас вас нападал, потому что это имеет отношение к делу».

Нельзя рассказывать присяжным и о том, как были получены представленные им доказательства. «В деле есть явка подсудимого с повинной, и судья признал ее доказательством, допустимым для присяжных, — приводит социолог пример типичной ситуации. — А вы настаиваете на том, что эту явку вас заставили под пытками подписать. Но вы этого говорить не можете по Уголовнопроцессуальному кодексу».

В таких случаях, добавляет Ходжаева, защита или обвинение могут попытаться распространить в прессе важные для них характеризующие детали или рассказать журналистам о том, какими методами расследовалось дело, надеясь, что эта информация дойдет до присяжных. О деле Барабанщиковой тоже немало писали журналисты, его обсуждали в соцсетях.

«Все исследования на американском материале, где накоплен огромный массив данных на эту тему, показывают, что активное медиаосвещение всегда влияет на коллегию», — говорит Ходжаева, замечая, что именно поэтому в США присяжных селят в гостинице, где они не могут получать информацию из прессы или общаться с посторонними. «У нас такого механизма, конечно, нет. На практике точно», — добавляет она.

Но иногда в России тоже пытаются както оградить присяжных от общественного мнения. «Например, в одном из городов рассматривалось резонансное дело о причинении тяжких телесных повреждений,

где первым напал тот, кто погиб, — вспоминает Ходжаева. — Появилась даже специальная страничка "ВКонтакте", где жители города обсуждали, кто прав, кто виноват. И следствие вместе с прокуратурой в суде добились запрета этой страницы. Через Роскомнадзор она была закрыта, чтобы не смогла повлиять на возможный суд присяжных. Потому что ожидалось, что обвиняемый точно попросит суд присяжных. Но в итоге там, собственно, вынесли оправдание».

Ходжаева добавляет, что с научной точки зрения пока сложно ответить на вопрос о том, как именно пресса и обсуждения в соцсетях влияют на решения присяжных в России — пока не накоплено достаточно данных. «Но по другим юрисдикциям это точно так, — говорит она. — СМИ всегда косвенно влияют на присяжных. Даже если ты не читал ничего сам и не знал о деле, то когда люди узнают, что ты стал присяжным, они вспоминают про это и начинают рассказывать тебе».

Самый актуальный российский пример здесь — дело сестер Хачатурян, которых обвиняют в убийстве своего отца Михаила Хачатуряна и которые уже попросили о суде присяжных. Общество уже много месяцев обсуждает многолетние издевательства покойного над дочерьми, а их адвокаты даже выпустили небольшую книгу о деле. Родственники и представители убитого в свою очередь тоже дают прессконференции, настаивая на том, что сестры совершили умышленное убийство, а все случаи насилия выдумали.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

«Про сестер Хачатурян все спрашивают… кто знает? Ничего еще не понятно. Суд присяжных это такая лотерея», — напоминает Ходжаева. Она добавляет: «Я, честно говоря, не понимаю, почему к сестрам должно быть другое отношение, нежели к Елене Барабарщиковой. Ведь у Елены был суд, и она благодаря защитнику и своей позиции непротиворечивой смогла убедить присяжных в своей правоте».

Ходжаева не исключает, что в случае сестер Хачатурян возможна нуллификация — так называют вердикт, в котором присяжные признают, что человек причастен к совершению насильственного преступления, но не признают его виновным.

В деле Барабанщиковой нуллификации не случилось, потому что присяжные вообще не посчитали ее причастной к убийству, но она была в похожем деле в Суздале — «там тоже в ходе бытового конфликта бывший супруг наткнулся на нож». В этом случае присяжные не стали ставить под сомнение причастность женщины к смерти, но с версией следствия об умышленном преступлении не согласились. «Решили простить ее, и была нуллификация», — отмечает Ходжаева.

Присяжные и их ответы

Важную роль при вынесении вердикта играют сформулированные судьей вопросы к присяжным, на каждый из которых те отвечают «да, доказано» или «нет, не доказано». Присяжные голосуют за каждый ответ простым большинством, если голоса распределяются поровну, это трактуется как решение в пользу подсудимого.

По насильственным преступлениям, говорит Ходжаева, чаще всего перед коллегией ставят три основных вопроса: 1) доказано ли, что было само событие; 2) причастен ли к нему обвиняемый; 3) и если да, то виновен ли он в преступлении. По статьям о наркотиках вопрос о событии преступления и причастности подсудимого иногда объединяют в один.

Если присяжные считают обвиняемого виновным, им надо ответить и на вопрос о том, достоин ли он снисхождения — в этом случае судья, который выносит приговор на основании их вердикта, не может назначить больше двух третей от максимального срока наказания.

В случае Елены Барабанщиковой коллегия сочла недоказанным, что все происходило так, как было изложено в обвинении. Социолог Ходжаева считает, что для Елены это был наиболее удачный исход суда: «Подсудимая не отрицала факт удара ножа о тело, но она не была согласна с его обстоятельствами и утверждала, что он сам напоролся на нож во время ссоры. Присяжные, признавая, что не было события преступления, имели в виду то, что не было убийства и удара ножом именно с ее стороны».

Коллегия присяжных, в отличие от судей и прокуроров, не связана никакими ведомственными интересами, а потому выступает «реальным контролером работы следствия», говорит Ходжаева. Присяжные вникают только в то, достаточно ли им представленной информации, чтобы осудить человека.

При этом сами обвиняемые зачастую не знают, что у них есть право на суд присяжных — если, например, адвокат об этом не скажет, а следователь сознательно умолчит. Ходжаева вспоминает, что за время своего исследования сталкивалась с двумя случаями, когда следователь уговорил обвиняемого отказаться от своего решения просить присяжных.

[«Я тебя сейчас, сука, убивать буду»](#). Большинство женщин, осужденных за убийство, защищались от домашнего насилия

«В российской практике у следователей есть установка: закинуть в суд статью потяжелее,

а уже профессиональный судья в случае чего переквалифицирует на более мягкий состав. Однако в суде присяжных такое провернуть невозможно», — напоминает исследовательница.

Это приводит к тому, что «умный следователь теперь осторожничает» — и в будущем, возможно, будет меньше таких случаев, как с Барабанщиковой, когда следствие предъявляет самое тяжелое из возможных обвинений. «Но пока мы, к сожалению, точно этого не знаем. Надо будет смотреть на статистику», — добавляет Ходжаева.

По ее словам, во время неформальных интервью некоторые судьи говорили, что опасаются суда присяжных и хотели бы отказаться от него: «Потому что суд присяжных — это большой риск для всех. Это очень напряженная работа. Это намного более сложный процесс. Более затратный по времени и ресурсам. И надо понять судей и обвинителей, потому что суд присяжных — это целый рабочий день, и он просто вышибает у вас рабочее время, другие процессы и сложные ситуации вы не можете толком разбирать. А ведь всю остальную нагрузку с районных судов никто не снял. Райсуды — это самое загруженное звено. Нельзя так сказать, что судьи просто не хотят работать с присяжными».

С другой стороны, говорит Ходжаева, многим судьям было интересно рассматривать дело с коллегией заседателей. «Но они понимают, какая серьезная нагрузка их ожидает, какой большой риск отмены [приговора], — добавляет она. — Потому что это новый процесс для судей, они толком его не знают, сложностей очень много. Очень

много неконтролируемых моментов, которые потом могут всплыть. И конечно, их понять можно, они переживают. Разумно переживать в таком случае».

Редактор: Егор Сковорода